

2002 ГОД, ИЮЛЬ

Галя ждала этого звонка. Ну, не так чтоб каждую минуту, но ждала. Много лет ждала.

— Доброе утро!

— Доброе.

— Старший лейтенант Павленко, Дзержинское отделение милиции.

Сердце замирает — с сыном неладное?!

— Да, слушаю. — Она на одеревеневших ногах идет к дивану.

— Гармаш Галина Петровна?

— Да.

— Адрес Сумская, 69?

— Да.

— Галина Петровна, мы получили из Грозного заявку на розыск, вас разыскивает Яха Бисаева. Вам знакомо это имя?

— Да, знакомо. — Медленно опускается на диван.

— Когда вы можете приехать?

— Приехать? Куда приехать?

— В отделение на Алексеевку.

— В отделение? Да хоть сейчас...

— Вот и отлично. Жду вас до шестнадцати тридцати, третий этаж, кабинет 315.

И адрес называет, а потом диктует номер мобильного — у нее еще нет мобильного.

— А... А Салман Бисаев? — Горло сжалось, невозможно дышать.

— Жду вас до шестнадцати тридцати.

— Сейчас выезжаю. Скажите, а Салман...

Короткие гудки.

Оделась, ресницы покрасила и посмотрела на руку, на серебряное колечко. Когда-то на нем была позолота. Вышла в коридор, взяла ключи, потянулась к сумке, стоявшей на тумбе, но не взяла, а быстро пошла в спальню, к прикроватной тумбочке,

к старенькому томику Цвейга. Открыла на семьдесят пятой странице и, прижав дрожащую руку к губам, прочла самое дорогое слово, написанное внизу неуверенным почерком и жирно подчеркнутое более твердой рукой.

Успокоилась и набрала номер сына:

— Рома, привет.

— Привет, мам.

— Мне позвонили из милиции. Меня разыскивает Яхита, твоя бабка.

— Бабка?! А отец?

— Я спрашивала, мне ничего не сказали. Меня ждут в милиции на Алексеевке. Ты можешь поехать со мной?

— Да, конечно.

— Я заеду за тобой.

— Хорошо, жду тебя у «Спутника».

— Паспорт не забудь, иначе могут не пустить.

— Я права возьму.

— Возьми паспорт, мало ли что...

У машины ноги снова подвели — затряслись. Да так, что едва не грохнулась на асфальт. Села за руль, а ключом никак в замок не попадет. Наконец вставила, но ключ не повернула — заплакала. От страха и бессилия что-либо изменить — она уже не хотела этого звонка, не хотела ехать к лейтенанту. Она хотела, чтобы звонка этого не было, чтобы жизнь вернулась в прежнее русло. Пусть с одиночеством, со слезами в подушку, с утренней депрессией, с чувством вины, но с надеждой, черт возьми! С надеждой, которую этот лейтенант может отнять у нее через полчаса — ровно столько ехать до милиции. С надеждой, которая заставляет вставать по утрам, пить кофе, быстро одеваться и бежать на работу. А там не до того — у директора школы проблем хватает: совещания, уроки, школьники, родители, интриги, сплетни. Да чего только в школе не бывает! Возвращаясь домой поздно вечером, в пустую квартиру, она уже плохо помнит, кто она и как ее зовут.

Ее, Галю Гармаш, в браке Бисаеву.

Дверь подъезда распахнулась, и она увидела двух неразлучных друзей — мальчика с первого этажа и девочку со вто-

рого. Поддерживая девочку под руку, мальчик помогал ей сойти вниз по кривым ступенькам, потому что держаться было не за что — перила давно украли, а ступеньки разрушило беспощадное время...

ГЛАВА 1

1975 ГОД, ЯНВАРЬ

Рама больно упиралась в подмышку, но Галя этого не замечала. Высунув руку в форточку, она ловила снежинки и недовольно сопела — едва коснувшись руки, они обжигали ладонь в отместку за то, что не станут частичкой снега, завалившего огород, деревья, баньку, сарай с дровами, и исчезали, оставив крошечную водяную капельку. Вот если бы снежинки были размером с пластмассовые, что продают в магазине, тогда бы ее можно было потрогать, а попав в рот, она бы хрустела, как вафля. Галя вытерла ладонь, закрыла наружную и внутреннюю форточки, спустилась с табурета на пол и уставилась в окно, опустив локти на подоконник и подперев кулаками щеки. На ее лице было написано разочарование: гулять сегодня не светит, а каникулы вот-вот закончатся. И Юрке тоже не светит — они оба кашляют, потому что ели сосульки. За этим занятием их застукала мама.

Галя прижалась носом к стеклу — ой, как хочется на улицу! В снег! С головой! Сбить сосульку и кусать, кусать... Она обернулась на дверь. Там, за белой дверью со следами кошачьих царапин на нижней филенке, рассерженно скрипела половицами мама. Нет ничего проще, чем по походке распознать настроение родителей: когда мама в хорошем расположении духа, она неслышно летает по дому, а когда в плохом — и стекла в дверях звенят. У папы плохое настроение бывает, если кто-то болеет. Он войну пережил и считает, что все остальное чепуха. Галя подумала, что бы такое сказать маме, чтоб она перестала сердиться, но ничего, кроме уже сказанного «Я больше не буду», в голову не приходило. Может, расплакаться? Иногда это действует. Галя насупилась, скривила рот и запыхтела, но тут послышались то-ропливые Юркины шаги.

— Галка, — он тихонько закрыл за собой дверь, — я прочитал, — и он помахал перед ее носом книжкой про индейцев. — Сбегаешь?

Вот свинтус! Он просто так не дает читать свои книжки. За это Галка носит записки девчонкам — он уже за ними бегаёт, да и они тоже. Особенная у него любовь с дылдой из параллельного класса, внучкой бабушки Лейлы. Они как пошли в седьмой класс — с ума посходили.

— Куда? — спросила Галя, заранее зная ответ.

— Сама знаешь, — промычал Юрка.

— Мама в кино не пустит. — Галя подняла глаза к потолку.

— Она тебя и так не пустит, — хмыкнул братик. — Она сейчас идет корову доить, потом в магазин. Ты успеешь! — и смотрит хитро-прехитро.

— Не пойду! — ехидно возразила Галя.

А сама взгляд от книжки оторвать не может.

— Пойдешь! — прошипел Юрка, пуча глаза.

— Сам иди, я наказана. Из-за тебя, между прочим, это ты со-сильки сбивал!

— Тогда фигу получишь! — Он щелкнул пальцами по темечку Галки и пошел в кухню.

С книжкой. Нахал! Он бывает нахальным, особенно когда очередной раз втюритя в какую-нибудь девчонку. Юрка мог бы в кино играть, он похож на французского актера Алена Делона, только волосы светлее. Он хороший и умный, не дерется. Они уже решили, что оба будут поступать в университет, на исторический факультет, или в пединститут — как получится, и вместе полетят в Южную Америку к загадочным пирамидам племени майя, в Чичен-Ицу. Интересно, папин друг чеченец дядя Абу имеет отношение к Чичен-Ице? Галка потеряла ушибленное место, поерзала на табуретке, подышала на стекло, подождала, пока облачко расползется, и стала рассматривать елочные игрушки, лежащие на вате меж оконных рам. Нет, это неинтересно. Вот бы почитать! Библиотечные книжки она уже прочла, в понедельник их надо сдать, а эта, про индейцев... Ох, какие там картинки! Какая она интересная! Там столько мистики! Юрка дал на пять минут, а она уже влюбилась в эту книжку.

Про индейцев Северной Америки она тоже читала, но это не так интересно.

Ей еще пяти не было, а она уже читала заголовки в газете «Правда» и удивлялась, почему имя Саша написано неправильно — США и почему-то большими буквами. Папа объяснил, что никакое это не имя, что это целая страна на другой стороне планеты и в ней сейчас раннее утро, а у нас вечер.

— На другой стороне планеты? — озадачилась Галя.

— Да, под нами. А мы — под ними.

Это не укладывалось в голове, и Галя долго не могла уснуть. Утром она снова пристала к папе, и он заявил, что будет учить ее по-настоящему — после войны папа преподавал в военном училище, так что опыт у него был. И пошло-поехало: глобус, география, гравитация, Солнечная система, арифметика...

В ближайшую субботу, вместо того чтобы после бани остановиться на вокзале у пивной бочки, дать Галке сдуть пенку с кружки, отпить пару глотков и закусить таранкой, папа отвел ее в детскую библиотеку. А там настоящее детское книжное царство! Галя уже давно ходила с папой во взрослую библиотеку, но там все иначе — торжественнее и скучнее. В этой библиотеке Галку однажды ударило током — она тронула пальцем краешек обрезанного провода, свисавшего с потолка вдоль стены. Ее так тряхнуло, что она заорала не своим голосом, — папа бросился к ней со всех ног, зацепил стеллаж, ему на голову посыпались книги, а потом и стеллаж упал, но папа успел отскочить. Это был удар током, сказал папа. Галю могло убить — это он сказал библиотекарше. Та побелела, попросила никому не говорить и побежала за электриком...

Громыкнуло ведро — это мама пошла доить корову. Если Юрка не врет и мама пойдет в магазин, то можно сбегать к этой дылде. А почему нет? До ее хаты туда-обратно десять минут, а мама придет через час, а то и больше.

Галя переместилась в столовую — оттуда виден коровник. Мама вышла из сарая с полным ведром. Галя вздохнула: сейчас процедит молоко и начнет канючить: «Выпей, здоровее будешь». Не будет она здоровее, потому что парное молоко — это ужас. Галю тошнит, а мама все равно заставляет. Вот Юрка целый